

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Про любовь

«Человек — животное довольно странное» М. Зощенко Пошёл как-то по нашей конторе слух. А надо сказать, что коллектив наш преимущественно состоит из женского контингента, посему слухи в нём разносятся со скоростью необычайной. С утра кто-то сказал, а к вечеру уже всем известно, что Наташенька — свежепринятая кучерявая мамзель с канцелярии — натуральная нимфоманка.

А нимфоманки они кто такие? Современная психологическая наука даёт на это чёткий ответ. Нимфоманкой кличут женщину, у которой сниженная стойкость супротив естественных предложений в половой горизонтали.

И я в своё время что-то эдакое ощутил, когда был у них на прошлой неделе.

Однако в тот момент сущности её не ведал, потому вероятные намёки мимо ушей и пропустил. Теперь же меня словно током шибануло, как будто я без галош решил по серверной прогуляться.

Бежать, думаю, надо к ним в канцелярию. Пока другие охотники до женского тела про новость не прослышали и конкретных действий не предприняли.

— Так, дамы, — говорю им прямо с порога. — Есть информация, что от вас идёт распространение зловредного вируса по корпоративной системе.

Тут они все как закудахтают, запричитают. Оно и понятно, тётки в основном в возрасте, уже привыкли жить с мыслью, как бы чего не вышло.

Наташенька же сидит и ухом не ведёт, будто бы вся в работе.

Но я-то калач тёртый, толк в многоходовых схемах знаю. Три брака за плечами, как-никак. Наметил себе несколько дамочек для отвода глаз и давай у них в интерфейсах ковыряться. Знамо дело, ничего не нашёл, а только всю курятню раскошегарил.

Побросали работу и сидят друг на дружку тычут, кто из них вируса троянского подцепил. А тут и как бы делегация образовалась. Отвели меня в уголок и словно из лучших побуждений говорят:

— Есть веские основания считать, что вирус сидит вон там, — и незаметненько тычут пальцем в сторону свежепринятой Наташеньки.

— Она нимфоманка, а нимфоманки они ж за вместо работы только и делают, что по всяким, тьфу, порносайтам лазиют.

А мне ж только того и надо.

Подхожу к этой мамзели и прямо в неё обвиняющим перстом уставляюсь.

— Вы, — говорю, — Наталья, случаем, нигде ли вируса заразного не подцепили? — Что вы, Гаспар Порфирьевич, как можно! Я всегда за этим делом очень слежу.

И тут я, что называется, устраиваю миттельшпиль.

— Раз так, ваш интерфейс потребует глубочайшего исследования по окончании рабочего дня. Зарделась феечка, хотела что-то произнести, а я уже эдаким гоголем из канцелярии-то и вышел.

А как установился на часах оконцовый нуль-нуль, вся контора сразу пустеть начала. Выждал я для порядку несколько минуточек и топ-топ в канцелярию.

Чутьё, братцы, оно либо есть, либо нет. И ещё логика. Логика — наиважнейший инструмент офисного донжуана, скажу я вам. Даром что ли три брака за плечами.

Захожу — сидит. Все убежали, а она сидит.

— Любезная Наташенька, — говорю. — К чему нам вся эта комедия? — Не понимаю, о чём вы, — отвечает мамзель-нимфоманка, а сама пристально так на меня смотрит.

Ну, думаю, все предварительные ухаживания завершены, пора приступать к делу.

Достаю из штанин инструмент, ну ровно как в кино. И фразу, что непременно полагается в таких случаях, вдохновенно произношу:

— Соси, — говорю, — сучка, я знаю, ты этого хочешь.

А она как вылупится на мой инструмент, словно бы впервые подобное видит. Я даже засмутился эдакой впечатлительной силой своего достоинства.

— Гаспар Порфирьевич, давайте сделаем вид, что этого не было.

А я такой прикидываю. Мамзель, сразу видно, с понятиями. Не хочет на меня тень кидать и готова скрывать наши отношения в тайне.

— Спасибо, — говорю, — Наташенька, за предусмотрительность, но давайте обсудим это позже, а сейчас приступим к самому приятному. — Гаспар Порфирьевич, — отвечает, — я словно ужасный сон вижу и вовсе не понимаю, чего вы добиваетесь.

Ага, думаю. Экая ролевая игра началась! Я, стало быть, коварный совратитель. А выдумщица наша невинностью притворяется, во рту конца не державшей.

Люблю такие кунштюки и само собой решаю согласно подыграть.

— Из окна-то сквозит, — сообщаю ей с дальновидной целью.

Она словно бы не понимает.

— Питон мой, — говорю, — замерзает.

А она, знай, молчит и глазами хлопает. Видать, страстью все мозги отшибло, вот и не знает, что дальше по роли полагается сказать.

Ну, каюсь, я не выдержал и вспыллил грешным делом. От избытка чувств даже руками забыл штаны поддерживать, чуть не потерял. — Вы поглядите, какая краля! Эдак мы до утра будем в гляделки играть. А ну разевай рот!

Тут она как вскинется, как завопит: — Да что вы себе позволяете! Да я на вас в суд подам за половой харасмент!

Я даже ошалел несколько от такой неуместности заявления. — На мой харасмент, тьфу-тьфу, ещё пока никто не жаловался. И нет такого закона, чтоб честных людей заставлять инструмент на сквозняке морозить, да ещё требовать от них какой-то изошрённой фантазии. Она аж икнула от уважения. И всё равно бочком так, бочком — и убегать собралась!

Тут уж я натурально озверел.

Как вы себе это представляете? Нормально, да? Спровоцировала меня и скорее дёру давать. Видать, чтоб потом в одиночестве удовлетворяться. Положим, нимфоманки этим постоянно грешат. Но я-то не таков!

Хватаю эту дамочку за локоток и говорю вежливо, но твёрдо: — Э, нет, милая. Покуда женский долг свой не исполнишь, никуда не выйдёшь. — Я буду кричать, — говорит, а сама на дверь глазом косит.

С женщинами ведь как? Они ласкового обращения не понимают, а грубого пугаются. Так и приходится с ними где-то посерединке обращаться, лавировать. И ведь даёт плоды!

— Спасибо, что предупредила, — говорю. — Но мне с этого никакого смущения. Напротив, даже и нравится, когда кричат.

Хотя, честно говоря, мне такие чтоб прям кричали, покуда не попадались. Так, постонут,

изобразят что-то малозвучное. А чтоб кричали — ещё такого не было, хоть и три брака за плечами. Вот привалило-то, думаю.

Но смотрю, а она вся словно истукан мороженный. Стоит вроде бы в шаговой доступности, а даже на инструмент мой не глядит. Лишь по-прежнему на дверь глазом косит.

Ах ты ж сукин кот! Тут меня и осенило. Дверцу-то притворить на ключик я и позабыл! А ежели уборщица зайдёт? Вот Наташенька, видать, и переживает, что придётся меня с кем-то разделить.

Нынче уборщицы не то что прежде. Это раньше в нашей конторе уборщицами трудились всё вредные старушки-чекистки да медлительные шпалоукладчицы в отставке. Сейчас их сменили симпатичные гюльнуры да покладистые фатимы, что в определённом смысле гораздо рискованнее.

Понял я волнение Наташеньки и дверцу аккуратно притворил, а ключик в карман положил. — Я буду сопротивляться, — говорит. — Конечно-конечно, если вам так нравится, — отвечаю, — только не слишком буяньте, ибо имущество вокруг не наше с вами, а казённое.

А она — хлоп — и как кинет в меня кактусом! Самую малость не попала.

Честно признаюсь, тут я начал опасаться за свою невредимость. Конечно, некоторые дамочки в порыве чувств спину там царапают или за плечо укусят. Однако кидаться кактусами во время прелюдии чрезмерно эксцентрично даже и для нимфоманки.

— Если вы будете продолжать в том же духе, то лишите меня всякого возбуждения, — говорю ей без обиняков.

А она вместо ответа — хлоп — и вторым кактусом в меня кидает, уже с соседнего стола.

Тут мне подумалось, что имеет место недоразумение.

— Я, — говорю, — человек простой. Затягивать предварительные игры, пусть и самые фантазийные, мне непривычно. Давайте уже приступим к чему мы здесь собрались. — Да вы больной! — кричит. — Какой же больной, если в прошлом месяце обследование проходил. Как раз после развода. На всякий случай. Анализы хоть на выставку отдавай. — Да что вы несёте вообще? — надрывается.

Вот как ни крути, а в нашем деле главное терпение, настойчивость и гибкость мышления. Даже самые нимфоманки, случается, сразу в койку не прыгают. За ними прежде поухаживать надо, поговорить с ними. Это я твёрдо усвоил ещё с юных лет, мол, женщины любят ушами.

Поговоришь с ней немного, и она твоя. И ежели ничто другое не сработало, то надо что-нибудь романтическое сказать и чтоб к месту. Про любовь, например.

— Так люблю я вас, Наташенька. Как увидел впервые, так сразу и полюбил.

А сам пальцы за спиной скрестил. Грешно врать на прямых пальцах.

Она сразу же разомлела.

— Что ж вы, — говорит, — сразу не сообщили, будто речь идёт о высоких чувствах. Я б и не подумала в вас кактусами кидаться.

Тут-то всё и произошло.

Прямо на столе.

И немного у стены.

И на подоконнике.

Некоторые несознательные товарищи обоих полов наверняка задаются вопросом, к чему я поведал эту историю. Мол, рассказанное не вызывает жгучего желания порукоблудить немедленно. И посему на доведение до широкой общественности права никакого не имеет.

Я им вот что отвечаю. Три брака за плечами. Жизнь повидал. Женщина, даже самая распоследняя нимфоманка, она любви хочет.

Сама не знает этого, или даже вовсе в любовь не верит. И всё равно хочет большой и чистой. Ну или хотя б средненькой и не шибко пыльной.